

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В конце советской эпохи (время моего обучения в средней школе) о существовании в древности Новосильско-Одоевского княжества и его Белёвского удела белёвские жители могли узнать из краеведческих книжек Г. П. Андреева (1958 г.) и П. П. Тишина (1981 г.). Позже появилась публикация дипломной работы А. В. Шекова «Верховские княжества» (1993 г.). К тому времени в Белёве уже существовала подготовленная культурная среда любителей древностей. От своего зарождения до наших дней она то расцветала, то увядала, но никогда не иссякала вовсе и время от времени приносила новые плоды. На моей памяти к отдельным эпизодам местной средневековой истории обращался директор Белёвского краеведческого музея, писатель В. Я. Греков. В 2000 г. под руководством И. И. Некрасова было организовано Белёвское историко-географическое и филологическое общество. Его члены стали продолжателями белёвской историографической традиции, сформировавшейся в конце XVIII — начале XX в. трудами историков, тесно связанных с Белёвом: В. А. Лёвшина, И. Ф. Афремова, Н. А. Елагина, П. М. Мартынова, протоиерея М. Ф. Бурцева, а также их земляка, козельского по происхождению историка архимандрита Леонида (Кавелина). При поддержке Комитета образования администрации Белёвского района Общество проводило «Белёвские чтения», на которых среди прочего можно было услышать доклад о белёвских князьях козельского литератора и историка А. В. Евгина... На этом начальном этапе сложившаяся атмосфера и сотрудничество в Обществе с 2002 по 2006 г. возбудили во мне желание изучать историю Новосильско-Одоевской земли.

Считаю своим долгом поблагодарить всех, кто способствовал продвижению моей работы как прямо, так и косвенно. Отзывы М. М. Крома и А. В. Шекова о моих первых статьях позволили почувствовать уверенность в собственных силах. Ценный опыт был приобретен с участием в научных конференциях, среди которых особенно нужно выделить форумы музея-заповедника «Куликово Поле» и Калужского областного краеведческого музея. Особенно продуктивным было сотрудничество с В. Н. Темушевым (в 2005–2011 гг.) и с С. В. Полеховым (с 2008 г.). Конструктивные отзывы на мои выступления, публикации

и рукописи со стороны А. А. Горского, Б. Н. Флори, М. М. Крома, А. В. Шекова, В. Н. Темушева, С. В. Полехова, С. Н. Кистерева, А. В. Лаврентьева, О. И. Хоруженко, критика А. В. Кузьмина, а также советы А. Н. Кашеварова помогли существенно повысить научный уровень исследования. Искренне признателен С. В. Полехову, А. В. Казакову, А. Дубонису, О. Л. Новиковой, Е. Ю. Гагариной, Герасиму (Дьячкову), М. В. Моисееву, А. В. Дедуку и М. М. Бенцианову за предоставление для изучения копий некоторых архивных документов, фото музейных экспонатов и за помощь в их обнаружении. Также обязан множеству корреспондентов, предоставлявших сведения о нумизматических, сфрагистических и прочих находках с княжескими знаками черниговских Ольговичей, на основании которых мной были сделаны выводы о денежном обращении в регионе и о геральдике новосильских князей. Благодарю С. В. Зацаринного, А. Н. Наумова, И. Г. Бурцева, Г. А. Массалитину, А. Л. Грязнова за многолетнее деятельное участие в обсуждении частных, в том числе научных и организационных вопросов, также — иных коллег, о чем упомянуто далее. Особую благодарность выражаю тем, кто все это время оказывал мне неоценимую моральную поддержку.

ВВЕДЕНИЕ

Рассказать историю князей Одревских в последовательном порядке, это дело будущего и венец усилий многих лет и притом на протяжении большого времени.

В. И. Ивановский (1898 г.)

§ 1. Историография

В XI–XIII вв. «землями» в административно-территориальном смысле назывались государственные образования. Изначально так именовалась Русская земля, которая делилась на крупные волости. Затем прежние волости обособились и сами стали называться «землями»¹. Этот термин употреблялся и далее, в XIV–XV вв. Однако с середины XIV в. в связи с переделом территорий прежних «земель» для обозначения государственных образований также стали использоваться термины «великое княжение» (в территориальном смысле), «великое князство»².

Черниговская земля сформировалась в XI–XII вв. и еще в домонгольское время утратила Муромо-Рязанскую часть. В таком виде она была весьма неоднородной. В своей северо-восточной части включала в себя область расселения вятичей (черниговскую волость Вятичи). Первоначально вятичи имели своих правителей, свой жизненный и религиозный уклад. Лишь на рубеже XI–XII вв. власть в их волости перешла к черниговским Рюриковичам. Во второй половине XIII — XIV в. Черниговская земля распалась на ряд особых земель³, но при этом сохраняла некоторые элементы единства в пределах Чернигово-Брянской епархии до ее упразднения в начале XVI в. На данном этапе прежняя волость Вятичи оказалась разделенной между князьями черниговского дома, уже не имевшими непосредственного отношения к Чернигову.

Центральное место в данном исследовании будет отведено Новосильско-Одревской земле. В исторической литературе ей соответствует название

¹ Горский А. А. Земли и волости // Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М., 2008. С. 9–32.

² *Он же*. От земель к великим княжениям: «Примыслы» русских князей второй половины XIII — XV в. М., 2010. С. 5–9.

³ Из-за крайней скудости источников, о черниговских «землях» впервые становится известным только из известий конца XIV — начала XV в. Упоминаются «terra Severiensis» (ДАИ ОИР. №212. С. 509), «Новосильская земля» (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 477), «Елецкая земля» (ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 535). Однако имеются признаки того, что они обособились гораздо раньше.

«Новосильско-Одоевское княжество», требующее, однако, пояснения. Еще на заре отечественной историографии «княжествами» или «княжениями» было принято называть все области со стольным (титульным) городом, которые управлялись князьями. Использование этого термина создавало предпосылки для уравнивания статуса всех княжеских владений между собой. На самом же деле в исторических источниках владения князей Верхнего Поочья не называются «княжествами». Многие из них не были самостоятельными, а входили в состав более крупных образований. В настоящее время высказываются предложения отказаться от термина «княжество» там, где он неуместен⁴. Эта рекомендация была бы актуальной еще на первом этапе изучения истории Верхнего Поочья, но теперь осуществить ее в полной мере довольно сложно. Во-первых, термин «княжество» прочно вошел в историографию, он и впредь будет сохраняться при цитировании исторической литературы. Во-вторых, ему пока нет замены в тех случаях, когда в источниках прямо не указан статус тех или иных владений местных князей. Поэтому далее под термином «княжество» будем понимать обобщенное обозначение титульных княжеских владений, не раскрывающее их происхождение и статус.

Представления о том, что в Верхнем Поочье сформировались свои «земли», утвердились очень поздно. Лишь в недавнее время для устранения этого недоразумения в отношении Новосильско-Одоевской земли было использовано определение: «отдельное государственное образование»⁵. Оно не равнозначно позднесредневековому термину «государство». Действительно, в источниках Новосильско-Одоевская земля не называется «государством», а ее старшие князья не носили титул «государей». Вместе с тем в середине XVI в. польский король Сигизмунд-Август сопоставлял достоинство прежних «великих князей новосильских» со статусом предков современных ему «московских государей»⁶. Должно быть, он исходил из понимания того, что иные «земли» и «великие княжения» были прообразом «государств». По своему статусу «землю» невозможно приравнять к «княжеству-уделу» (доле члена княжеского рода в родовом землевладении) и тем более к «пожалованиям», из которых тоже могли образовываться титульные княжения. Последние сродни западноевропейскому «феоду» (земельному наделу, который сюзерен жаловал князю-вассалу за несение службы). Кроме того, князь или его семейство могли становиться обладателями сложно-составного по своему происхождению землевладения. Чтобы охарактеризовать положение Новосильско-Одоевской земли более предметно, необходимо сравнить его со статусом известных верхнеокских «уделов» и «пожалований» (см. §§ 19, 22), а также с положением иных «земель», для чего хорошо подходит Рязанская земля, тоже некогда отделившаяся от Черниговской (см. §§ 14, 24).

⁴ Горский А. А. Русское средневековое общество. Историко-терминологический справочник. М., 2019. С. 176–177.

⁵ Шеков А. В. О системе наследования княжеских столов среди князей Новосильских в XIV–XV веках // Забелинские научные чтения — Год 2005-й. М., 2006. С. 265.

⁶ СИРИО. Т. 71. № 19. С. 507, 513.

К сожалению, за прошедшие XIX–XX столетия не сложилось такого научного центра, который бы специально и систематически занимался изучением истории северо-восточной части бывшей Черниговской земли до начала XVI в. Отсутствие достаточного количества специалистов делало невозможным ведение широкой научной полемики. В основном известные изыскания довольно разрознены и разобщены. В настоящем параграфе будет предпринята попытка их систематизации с целью выяснения отношения исследователей к роли Новосильско-Одоевской земли в отечественной истории.

I

На первом этапе изучения истории Верхнего Поочья значительное влияние на ее понимание в целом, видимо, оказывала Бархатная книга, опубликованная Н. И. Новиковым в 1787 г.⁷ В родословцах представлен перечень местных князей и их титулов, но без указания статуса их владений. На основании этой несовершенной схемы в умах любителей древностей стали формироваться взгляды о существовании в верховьях Оки множества равнозначных титульных «княжеств» и об их раздельной политической истории.

В начале XIX в. историки-краеведы⁸ Тульской и Калужской губерний были одними из первых, кто специально обратил внимание на историю Новосильско-Одоевского княжества. В 1807 г. деятель российского просвещения и белёвский историк В. А. Лёвшин в статье о городе Новосиле заметил, что «в древности область сия составляла особое княжение, в котором владычествовали удельные князи Новосильские»⁹. Он руководствовался общими трудами по истории России В. Н. Татищева, А. Я. Хилкова и М. М. Щербатова, но не ограничивался одними лишь цитатами, а высказывал вполне самостоятельные суждения. В. А. Лёвшин также имел представления о том, что в древности города Одоев и Белёв «надлежали» к областям Черниговского княжения, а позже «Одоев составлял особое удельное княжение князей Одоевских». В свою очередь, из него выделилось «удельное княжение Белёвское»¹⁰. В духе историографии своего времени он предполагал отдельное друг от друга существование этих княжений.

⁷ Бархатная книга. Ч. 1; Ч. 2.

⁸ Многие из перечисленных далее так называемых краеведов (исследователей истории своего края) были профессиональными или полупрофессиональными историками и внесли заметный вклад в становление и развитие региональной историографии.

⁹ [Лёвшин В. А.] Историческое, статистическое и камеральное описание городов Тульской губернии // Политический, статистический и географический журнал, или Современная история света на 1807 год. Ч. II. Кн. I. С. 59; *Он же*. Топографическое описание Тульской губернии. 1803 год. Тула, 2006. С. 131.

¹⁰ [Он же.] Историческое, статистическое и камеральное описание городов Тульской губернии. Ч. II. Кн. II. С. 111–113, 118–127; *Он же*. Топографическое описание Тульской губернии. С. 148–149, 157–161. Серия статей 1807 г. с описанием истории городов Тульской губернии была напечатана без указания автора. В публикации 1851 г. И. П. Сахаров цитировал из них данные о белёвских находках старинных монет и присвоил к ним более поздние данные, о которых «господин Покровский» сообщал Х. М. Френу в 1829 г. В итоге и авторство статей 1807 г.

Прежняя территория Воротынского удела Новосильско-Одоевского княжества в XIX в. относилась к Калужской губернии и изучалась калужскими краоведами. В 1826 г. была опубликована статья Е. Г. Зельницкой, составленная «из записок почтенного родителя ее» Г. К. Зельницкого, преподавателя калужских учебных заведений и издателя естественно-научного журнала «Уrania» (1804 г.). Исследовательнице была неизвестна литература, где было бы очерчено пространство Воротынского княжества (на тот момент таковой еще не существовало). Тем не менее на основании духовной грамоты Ивана III был сделан вывод о принадлежности к Воротынскому княжеству Лагинска и Крайшина, а по писцовым книгам определено их местонахождение¹¹. Правда, административный центр Крайшина был локализован неверно, что впоследствии повлияло на мнение многих исследователей.

В трудах местных историков хорошо прослеживается региональная направленность. Они преимущественно занимались исследованиями в пределах своих губерний, делая попытки связать местную историю с историей всероссийской. При этом зачастую оставляли без внимания историю своих соседей из ближайших губерний. Научный уровень публикаций зависел от образованности и личных способностей авторов. При всей значимости их трудов для своего времени они не избежали как отдельных ошибок, так и появления работ в целом откровенно слабых.

Следующим после В. А. Лёвшина выдающимся деятелем тульского исторического краеведения следует назвать И. П. Сахарова. Он стал вводить в научный оборот местные письменные источники. В хронологические рамки нашего исследования попадает опубликованная им «Легенда о крещении мценян в 1415 году»¹². Одна из его статей была посвящена удельным белёвским князьям. Ее написанию способствовало знакомство исследователя с белёвским

приписал Ф. Г. Покровскому (*Сахаров И. [П.] Памятники Тульской губернии*. СПб., 1851. С. 51–52, 56–57; *Френ [Х. М.] О восточных монетах, находимых в России* // *Сын отечества*. Кн. 7. 1842. С. 65–66). Однако в заглавии одной из сохранившихся рукописей «Топографического, исторического и камерального описания Тульской губернии» прямо указано авторство Василия Лёвшина (Рукопись имеет пометку: «1811». *Рубинштейн Н. Л.* Топографические описания наместничеств и губерний XVIII в. — памятник географического и экономического изучения России // *Вопросы географии*. Сб. 31. 1953. С. 73). В его пользу говорит и текстология. В статье об Одоеве автор причислил мценского воеводу Григория Протасьева к роду Лёвшиных. Одного из Лёвшиных упомянул в статье о Черни. В статье о Белёве использовал уникальный источник — синодик из церкви села Темряни (вотчины Лёвшиных) с записью о гибели члена своего семейства от татар. Причем легенду об этом В. А. Лёвшин последовательно развивал в своих публикациях с 1791 по 1812 г. (*Лёвшин В. [А.] Родословная книга благородных дворян Левшиных, содержащая в себе доказательства о происхождении их фамилии, времени выезде в Россию и поколенную роспись*. М., 1791. С. 18; *Он же*. Историческое сказание о выезде, военных подвигах, и родословии благородных дворян Левшиных. М., 1812. С. 15).

¹¹ *Зельницкая Е. Г.* Исследование исторических мест или урочищ, которые должны находиться в пределах нынешней Калужской губернии // *Отечественные записки*. Ч. 27. 1826. С. 79–85.

¹² *Русская вивлиофика*. . . Т. 1. М., 1833. С. 361–362.

по происхождению историком и краеведом И. Ф. Афремовым, преподавателем тульского Александровского военного училища (затем кадетского корпуса) и племянником В. А. Лёвшина¹³. По-видимому, И. П. Сахаров не располагал Бархатной книгой, поэтому его опыт реконструкции родословной белёвских князей оказался неудачным. Генеалогическое древо имело всего лишь три поколения вместо пяти. Отдельные же эпизоды, например — основание Белёвского княжества в 1468 г., ссылка последнего белёвского князя Ивана Ивановича в Вологду и другие полностью явились плодом творчества автора¹⁴. В очерке об образовании Тульской губернии он кратко сообщил о существовании в ее пределах княжеств Новосильского, Одоевского и Белёвского в XIV — середине XVI в. и перечислил их князей¹⁵. Вместе с тем справедливо подверг сомнению возможность чеканки белёвскими князьями «белёвских денег», о которых ранее сообщал В. А. Лёвшин¹⁶.

В 1850 г. И. Ф. Афремов издал «Историческое обозрение Тульской губернии», к которому приложил «Родословные таблицы князей Новосильских, Одоевских, Белёвских и Воротынских»¹⁷. Книга была задержана цензурой и поступила в продажу лишь после 1855 г.¹⁸, когда пробел в источниках и литературе по генеалогии уже в значительной степени был восполнен¹⁹.

¹³ В статьях И. П. Сахарова и И. Ф. Афремова высказываются схожие мысли (*Сахаров И. [П.] Белевские князья // Энциклопедический лексикон. Т. 7. СПб., 1836. С. 321; Афремов [И. Ф.] Краткое историческое описание г. Белева с уездом его // Тульские губернские ведомости. Прибавления. 12.05.1844. № 19. С. 82–83*).

¹⁴ *Беспалов Р. А. О древнейших источниках по генеалогии Белёвских удельных князей и об известиях, сочиненных краеведами И. П. Сахаровым и И. Ф. Афремовым в первой половине XIX в. // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История. Вып. 2. Т. 2. Тула, 2007. С. 299–306*.

¹⁵ *Сахаров И. [П.] Общественное образование Тульской губернии // Современник. 1837. № 7. С. 309–312*.

¹⁶ В. А. Лёвшин писал о находке в Белёве в 1781 г. двух медных монет, на одной из которых, по его мнению, читалось: «деньга белевская» ([*Лёвшин В. А.*] Историческое, статистическое и камеральное описание городов Тульской губернии. Ч. II. Кн. II. С. 119; *Он же*. Топографическое описание Тульской губернии. С. 158). И. П. Сахаров указал, что в России при Иване III удельные князья уже не могли чеканить свою монету, при этом не принимал во внимание предыдущий период белёвской истории (*Сахаров И. [П.] Памятники Тульской губернии. С. 56–57*). Следует уточнить, что в XIV–XVI вв. денги чеканились серебряными и редко носили на себе надпись: «денга» (московская, тверская, псковская и др.), медные же монеты носили надпись: «пуло». Медные монеты с надписью «денга» стали выпускаться лишь с 1700 г.

¹⁷ *Афремов И. [Ф.] Историческое обозрение Тульской губернии... Ч. 1. М., 1850. С. 9–10*.

¹⁸ *Присенко Г. П. Проникновение в былое. Тула, 1984. С. 45–46; Фомин Н. К. К вопросу о достоверности труда И. Ф. Афремова «Историческое обозрение Тульской губернии» // Верхнее Подонье. Природа. Археология. История. Вып. 2. Т. 2. Тула, 2007. С. 288–298*.

¹⁹ В 1840 г. князь П. В. Долгоруков издал первую часть Российского родословного сборника, содержащего общую схему родов, происходящих от князя Михаила Черниговского, и росписи князей Одоевских (*Долгоруков П. [В.], князь. Российский родословный сборник. Кн. 1. СПб., 1840. С. 19–27*). В 1851 г. было опубликовано несколько родословцев, в том числе содержащих род князей новосильского дома (ВОИДР. Кн. 10. С. 68–72, 155–158). В том же 1851 г. вышла книга Н. Г. Головина с росписью потомков Рюрика. Впрочем, она содержала далеко не полные росписи

В XIX в. Белёв был сравнительно крупным уездным городом Тульской губернии, а труды белёвских историков того времени занимали видное место в губернском краеведении. Одной из самых исследуемых тем здесь была белёвская битва 1437 г. Она упоминалась еще в статьях В. А. Лёвшина и И. Ф. Афремова. В 1894 г. белёвский историк и краевед П. М. Мартынов внес в этот вопрос значительную путаницу с элементами сочинительства. Однако вскоре вышла статья белёвского же краеведа протоиерея М. Ф. Бурцева (1898 г.), которая, напротив, отличается основательностью. Для анализа тех же событий автор впервые привлек сразу несколько летописей и локализовал нахождение крепости хана Улу-Мухаммеда на местности. Также он опроверг мнение И. П. Сахарова о возникновении Белёвского княжества в 1468 г., заметив, что оно существовало гораздо ранее²⁰.

В Калужской губернии С. В. Руссов († 1842 г.) собрал материалы для составления «Летописи калужской», которая была опубликована в 1877–1878 гг. при содействии Леонида (Кавелина)²¹. Периоду до начала XVI в. было отведено 25 страниц. Для его описания автор использовал «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, Собрание государственных грамот и договоров, Акты, изданные археографической комиссией, статьи местных историков и другие публикации. И хотя некоторые из этих сведений нуждаются в уточнении, несомненно, для своего времени составление подобного хронографа было значимым достижением местного краеведения.

Основательным исследователем местной средневековой истории был уроженец Козельского уезда иеромонах (впоследствии — архимандрит) Леонид, в миру — Л. А. Кавелин. В 1862 г. он опубликовал «Церковно-историческое исследование о древней области вятичей...». Разыскания автора выходили далеко за рамки истории Калужской губернии. Во-первых, он дал довольно внятное описание происхождения княжеских родов: мосальского, тарусского, оболенского, козельского, карачевского, новосильского, одоевского, белёвского, воротынского, перемышльского и мезецкого. Во-вторых, проследил историю их княжеств через призму истории Московского государства. В-третьих, описал историю Церкви на их территории²². Публикация Леонида (Кавелина) была первым

(Головин Н. [Г.] Родословная роспись потомков великого князя Рюрика. М., 1851. С. 23, 26–27, 30, 35, 39, 44).

²⁰ Мартынов П. М. Городская дуброва Белева в 1443 г. // Тульские губернские ведомости. Часть неофициальная. 27.07.1894. № 43; Бурцев М. [Ф.], *прот.* О пребывании хана Улу-Махмета в Белеве. Тула, 1898.

²¹ Летопись калужская от отдаленных времен до 1841 года. М., 1878; Летопись Калужская. Калуга, 1991.

²² Леонид, иеромонах. (И. Л.) Церковно-историческое исследование о древней области вятичей, входившей с начала XV и до конца XVIII столетия в состав Крутицкой и частию Суздальской епархии // ЧОИДР. 1862. Кн. 2. I. Исследования. С. 21–124. Позже это исследование было несколько переработано и вышло под другим заглавием (*Он же*. История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и калужские иерархи. Калуга, 1876. С. 20–56).

сравнительно крупным описанием истории региона. Он уже имел возможность использовать древние грамоты, акты, летописи, родословцы, а также труды В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, преосвященных Платона (Лёвшина), Филарета (Гумилевского) и многие другие. Другим направлением его деятельности стало исследование истории монастырей Калужской и Тульской губерний, в том числе и упраздненных. Им было введено в научный оборот немалое количество синодиков, вкладных книг, древних актов, записей, в которых содержатся уникальные сведения, в том числе по истории Новосильско-Одоевского княжества²³.

В то же время весьма глубокими разысканиями о монастырях Тульской губернии занимался преподаватель Тульской духовной семинарии В. И. Шумов. Некоторые его выписки из монастырских синодиков и кормовых книг по сей день служат источниками по истории рода белёвских и воротынских князей (1864 г.)²⁴.

В 1872 г. вышли две связанные между собой статьи С. П. Молчанова о Новосильском и об Одоевском княжествах. В качестве основного источника своих знаний он использовал «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина, опирался на труды князя П. В. Долгорукова, Филарета (Гумилевского), а также местных историков И. Ф. Афремова и И. П. Сахарова. Вместе с тем имел и собственные взгляды. С. П. Молчанов полагал, что Новосильское княжество возникло в конце XIII в. К концу XIV в. из него выделилось Одоевское княжество и далее существовало отдельно. Новосильские князья якобы полностью подчинились московским великим князьям: ходили вместе с ними в походы, выплачивали через них ордынскую дань, а в XV в. уже владели Новосильским княжеством не как своей собственностью, а как собственностью московского князя. По его мнению, особое Одоевское княжество в конце XIV в. еще некоторое время отстаивало свою самостоятельность, но в 1407 г. было подчинено Литве. После 1462 г. оно стало дробиться. Из него выделилось Белёвское княжество, а затем и Воротынское. С. П. Молчанов считал, что Литва не платила дань Орде, поэтому одоевским и белёвским князьям было выгодно находиться в зависимости от Литвы. Они находились в Литве в почете, хотя и платили ей «полетное» (в источниках также: «полетнее»). Однако после того как зависимость Москвы от Орды пала, они стали переходить к Москве, этот процесс завершился к 1494 г.²⁵ Изложенная концепция новосильской истории во многом не соответствует сведениям известных теперь исторических источников.

²³ *Он же*. Описание лихвинского Покровского Доброго мужского монастыря // ЧОИДР. 1875. Кн. 4. V. Смесь. С. 104–159; *Он же*. Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии // ЧОИДР. 1863. Кн. 1. I. Исследования. С. 1–170.

²⁴ *Шумов В. И.* Анастасов Богородице-рождественский монастырь // Тульские епархиальные ведомости. Прибавления. 15.01.1864. С. 58–60; *Он же*. Белевский Спасо-Преображенский третьеклассный монастырь // Тульские епархиальные ведомости. Прибавления. 15.11.1864. № 22. С. 480–481.

²⁵ *Молчанов С. П.* Из летописей города Новосили // Тульские губернские ведомости. 1872. 13, 16 мая. С. 542–543, 555–556; *Он же*. Из летописей города Одоева // Тульские губернские ведомости. 1872. 10, 14, 17, 21 июня. С. 696–697, 712, 725–726, 743–745.

Вместе с тем С. П. Молчанов привел немало достоверных исторических фактов и своими публикациями, несомненно, возбуждал интерес читателей к новосильской и одоевской истории.

В конце XIX — начале XX в. средневековую историю Верхнего Поочья изучал калужский историк и краевед В. М. Кашкаров. Он первым среди местных любителей старины привлек для исследования сведения третьей книги записей Литовской метрики²⁶. Им был введен в научный оборот синодик лихвинского Покровского Доброго монастыря с поминальными записями по князьям Одоевским²⁷.

Если взглянуть на работы орловских краеведов, то можно подумать, что история князей новосильского дома их занимала в очень малой степени или была им малоизвестна. Во второй половине XIX в. орловский историк и краевед Г. М. Пясецкий опубликовал ряд очерков о древней истории городов и княжений, находившихся в пределах современной ему Орловской губернии²⁸. В то время Елецкий, Ливенский, Мценский, Болховский уезды лишь огибали Тульскую губернию, в состав которой входили прежние владения новосильских князей. Поэтому о Новосильско-Одоевском княжестве или о его уделах Г. М. Пясецкий не сообщал. Впрочем, опубликованные им данные топонимики могут быть использованы при изучении освоения новосильскими служилыми людьми южных территорий в XVI–XVII вв. Позже А. Н. Шульгин в очерке об истории Орловского края 1356–1504 гг. (1903 г.) фактически излагал фрагменты истории Великого княжества Литовского. Напрямую Новосильско-Одоевское княжество он тоже почти не затрагивал, но касался верхнеокской истории в целом, в которой допустил ряд нелепостей. Вслед за украинским историком Д. И. Багалеем он полагал, что в 1406 г. «все По-очье выше устья Угры отошло к Литве, и границую сделался перевал между бассейнами Оки и Дона»; высказывался о возможности участия дружин Орловского края в Грюнвальдской битве; ошибочно считал, что воротынские князья отъехали от Литвы к Москве еще в начале 1470-х гг., бежав от религиозного преследования²⁹. В начале

²⁶ Кашкаров В. М. Город Перемышль. (Историческая справка) // Известия Калужской ученой архивной комиссии 1898 год. Вып. 1. Калуга, 1898. С. 19–25; *Он же*. Конинский удел Тарусскаго княжества // Калужская старина. Издание Калужскаго церковнаго историко-археологического общества. Год второй. Т. 2. Кн. 1. Калуга, 1902. С. 8–15; *Он же*. Село Любучко // Известия Калужской ученой архивной комиссии 1898 год. Вып. 5–6. Калуга, 1898. С. 3–9.

²⁷ *Он же*. Синодик Покровскаго Добраго монастыря // Известия Калужской ученой архивной комиссии 1898 год. Вып. 2. Калуга, 1898. С. 9–27.

²⁸ [Пясецкий Г. М.] О церковно-иерархической зависимости Орловского края со времени первоначального распространения в его пределах христианства и до присоединения его к Московскому государству в конце XV-го века, при в. к. Иоанне III-м // Орловские епархиальные ведомости. 1866. № 19, 20. С. 1082–1091, 1133–1141; 1867. № 23. С. 1780–1794; 1868. № 3. С. 164–178; № 21. С. 1674–1682; 1870. № 6. С. 345–360; [Он же.] Исторические очерки города Болхова и его святыни // Орловские епархиальные ведомости. 1875. № 9, 10. С. 562–575, 633–648.

²⁹ Шульгин А. Н. Орловский край под владычеством Литвы 1356–1504 г. // Минувшее Орловскаго края. Очерк (из повременнаго издания “Трудов” [Орловской ученой архивной] комиссии).

XX в. в церковной среде Орловщины бытовал баснословный рассказ про святого Авраамия Новосильского, который был дополнен вымыслами о новосильской истории XIII–XV вв.³⁰ По-настоящему орловские краеведы сблизились с новосильской историей лишь в советское время, после того как Новосиль вошел в состав Орловской области.

В Тульской губернии конца XIX — начала XX в. по интересующей нас теме стали появляться работы, которые уже не приносили ничего нового. Их авторы выписывали сведения из трудов ведущих историков, а заодно собирали множество заблуждений прошлого и добавляли новые. Одоевский краевед И. А. Краснопевцев опирался на сочинения В. Н. Татищева, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, И. П. Сахарова, И. Ф. Афремова, Леонида (Кавелина). Под его пером одоевские князья XIV в. оказались в зависимости от рязанских князей, а с 1407 г. — от литовских (см. далее о взглядах Н. М. Карамзина); белёвский княжеский стол был образован в 1468 г. (по И. П. Сахарову), а воротынский — и вовсе в 1492 г. Вторжение Ольгерда в тарусские, а затем в московские пределы в 1368 г. И. А. Краснопевцев ошибочно перенес в Одоевский уезд; интересовался ролью Одоева и его жителей в походе Ягайла на помощь Мамаю в 1380 г. Впрочем, ряд фактов новосильской истории И. А. Краснопевцев все же довольно точно передал по С. М. Соловьеву³¹. Служащий Полицейского управления Новосильского уезда В. Р. Чевский посвятил новосильской истории специальный очерк, но интересующему нас периоду уделил всего несколько строк. Он сообщал своим читателям, что город Новосиль относился к владениям князя Михаила Черниговского, от которого пошли глуховские и новосильские князья. Из их рода автор смог назвать только троих. Главным врагом Новосильского княжества назвал татар, от ига которых, по его мнению, город был избавлен Иваном III³². М. М. Березин половину своего очерка о географии Тульской губернии посвятил истории. По его взглядам, история княжеств Новосильского, Одоевского и Белёвского протекала раздельно (так считали многие краеведы-предшественники). Белёв якобы принадлежал Литве с конца XIII в. до 1494 г. Новосильские князья находились в зависимости от Москвы в XIV в., затем в середине XV в. отошли к Литве и вернулись к Москве по договору Ивана III с Александром Казимировичем 1494 г. Одоевские князья попали в зависимость от Литвы в результате вымышленного взятия Одоева Казимиром IV³³. Совсем путанные сведения о Новосильском княжестве до начала XVI в. видим у настоятеля Новосильского

Орел, 1903. С. 16, 17, 22, 29; Шульгин А. [Н.] Минувшее Орловского края // Труды Орловской ученой архивной комиссии. 1903 год. Орел, 1903. С. 56–57, 60, 64. Данные сочинения схожи, но опубликованы в разных редакциях.

³⁰ Тихомиров И. Св. Авраамий Новосильский, ученик и сотрудник св. священномученика Иоанна Кукши // Орловския епархиальныя ведомости. 1 (14) окт. 1918. №20. С. 506–509.

³¹ Краснопевцев И. [А.] Очерки города Одоева // Тульские губернские ведомости. 1896. №17, 23 янв.; №20, 26 янв.; №23, 30 янв.; Он же. Очерки города Одоева. Тула, 1896. С. 4–15, 22–23, 94–96.

³² Чевский В. [Р.] Г. Новосиль с уездом. Историко-статистический очерк. Орел, 1892. С. 9–13.

³³ Березин М. [М.] География Тульской губернии. М., 1913. С. 18.

Свято-Духова монастыря Геронтия (Кургановского)³⁴. С точки зрения современных нам исследований, в его словах сложно отыскать правду.

Вместе с тем из-под пера местных любителей древностей стали выходить и довольно обстоятельные исследования по новосильской истории. Из работ тульских губернских краеведов особо следует выделить статью епифанского священника В. И. Ивановского (1898 г.). Свой труд он рассматривал как первый обобщающий очерк к несуществующей еще истории княжеств: Новосильского, Одоевского и Белёвского (отчасти и Воротынского. — *Р. Б.*)³⁵. Объемная статья не изобилует ссылками на источники и литературу, но, судя по тексту, автор использовал многие достижения современной ему науки, был прямо или косвенно знаком с трудами Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, Филарета (Гумилевского), Р. В. Зотова и других. В. И. Ивановского отличал аналитический склад ума, он смог предложить читателю свои размышления о фактах новосильской истории, описал некоторые сложности в генеалогии и титулах новосильских князей. Как и предшественникам, ему не удалось избежать отдельных заблуждений, но в целом его исследование выделяется на фоне работ краеведов того же времени.

Для местных историков конца XVIII — начала XX в. было характерно болезненное отношение к факту подчинения княжеств северо-восточной части бывшей Черниговской земли Великому княжеству Литовскому. Еще И. П. Сахаров рассматривал историю Тульского края исключительно с точки зрения истории Российского государства под властью Москвы. Он прямо осуждал литовскую политику и считал, что она способствовала дроблению Одоевского княжества на уделы³⁶. И. Ф. Афремов выступал против церковной унии, которую, по его мнению, Литва должна была навязывать местному населению³⁷. Леонид (Кавелин) сравнивал Литву с Ордой. Применительно к концу XIV в. он писал: «Туча восточная, монгольская, начала рассеиваться; но другая туча с запада — литовская приближалась все более и более». О договорных отношениях князей новосильского дома с великими князьями литовскими автор умолчал, хотя эти сведения были ему доступны. Согласно концепции современной ему науки Леонид (Кавелин) считал, что еще в первой половине XV в. на территории Великого княжества Литовского начались сильные гонения на православие. В этой связи позже якобы «целые области искали подданства и защиты у православного государя Ивана III»³⁸. В том же духе высказывался и В. И. Ивановский, считавший, что «литовский и русский народ искони враждовали между собой».

³⁴ *Геронтий (Кургановский)*. Исторический очерк Новосильского Свято-Духова монастыря Тульской епархии. Тула, 1901. С. 4–5.

³⁵ *Ивановский В. [И.]* К истории удельных князей Тульского края (замечания на родословную кн. Новосильских, Одоевских и Белевских) // Тульские епархиальные ведомости. 1898. Прибавления. № 12. С. 522–535; № 17. С. 748–762; № 18. С. 811–815.

³⁶ *Сахаров И. [П.]* Белевские князья. С. 321.

³⁷ *Афремов [И. Ф.]* Краткое историческое описание г. Белева... № 19. С. 82.

³⁸ *Леонид, иеромонах. (И. Л.)* Церковно-историческое исследование о древней области вятичей... С. 36, 49, 53–54. Эта концепция прослеживалась еще в сочинении князя М. М. Щербатова

Присоединение местных князей к Литве в XV в. он считал вынужденным и полагал, что в этот период их жизнь должна была протекать в духе противления католицизму³⁹. С.П. Молчанов считал, что подданство Литве не влияло на религиозную жизнь Одоева и Белёва. Он аргументировал это тем, что даже после церковного раскола XVII в. местные жители были строго привержены своей традиционной вере (многие из них остались старообрядцами)⁴⁰. Довольно противоречивое отношение к Великому княжеству Литовскому видим у А.Н. Шульгина. Он полагал, что Литва освободила подчиненные ей русские земли от ордынского ига, тогда как московские земли еще оставались зависимыми от Орды. То есть находил в литовском господстве положительные стороны. Одобрял стремление некоторых литовских князей к православию и негативно высказывался относительно их приверженности к латинской вере. Отъезды русских и литовских князей от Литвы к Москве традиционно для своего времени аргументировал религиозными мотивами. Считал, что хотя русские князья зачастую и выступали заодно с Литвой против Москвы, но делали это «вопреки своего желания»⁴¹.

В историографии изучению местными историками конца XVIII — начала XX в. истории Новосильско-Одоевского княжества уделено не слишком много внимания. Более того, приходится встречаться с неприятием их деятельности некоторыми современными историками. Однако без данного краткого обзора у неискушенного читателя могло бы сложиться впечатление, что до крупных российских ученых конца XIX — начала XX в. историей региона никто не занимался. При всем несовершенстве краеведения, именно творческое осмысление собственной истории местными любителями древностей отражает связь народа с исторической наукой. Без этой связи история оказывается вещью в себе, не востребованной обществом. На плечах местных пионеров исторической мысли зиждется становление и начальное развитие региональной историографии. Несмотря на то что многие их исследования давно устарели, их рассмотрение видится необходимым. Это обусловлено тем, что первые краеведы оказали влияние на своих последователей, а их отдельные работы — на отечественную историографию в целом. Влияние было как положительным, так и совсем не обязательным. Некоторые их взгляды были наивными, часть сведений — недостоверной и впоследствии была пересмотрена наукой. Влиянию недостоверной информации и теперь особенно подвержены те, кто сам не является специалистом по тому или иному вопросу истории (например, школьники, значительная часть современных краеведов, а также писателей исторического жанра). В целом следует

(Щербатов М. [М.], князь. История российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1783. С. 224).

³⁹ Ивановский В. [И.] К истории удельных князей Тульского края... № 17. С. 757–758; № 18. С. 811–812.

⁴⁰ Молчанов С.П. Из летописей города Одоева. С. 743–744.

⁴¹ Шульгин А.Н. Орловский край под владычеством Литвы 1356–1504 г. С. 4–6, 25–29 и др.; Он же. Минувшее Орловского края. С. 47–48, 62–64 и др.

отметить, что первые краеведы сильно зависели от развития отечественной историографии — публикаций источников и научной литературы. Но, несмотря на общее отставание уровня местного исторического краеведения от передовых научных достижений, именно они наиболее активно стремились развивать знания об истории своего края. Некоторые из них вводили в научный оборот местные письменные источники. Многие из того, что ими было сделано в этом направлении, до сих пор представляет собой большую ценность.

II

Научное изучение вопросов истории предполагает более высокий уровень. Однако оно тоже зависит от состояния историографии в целом и от личных качеств исследователя: от его подготовки, опыта изучения конкретной области знаний, от его сложившегося мировоззрения и т. д.

В конце XVIII — начале XIX в. в историографии еще не было какой-либо основательной концепции в отношении места Новосильско-Одоевского княжества в истории отечества XIV–XV вв., а потому его территория рассматривалась очень неопределенно. М. М. Щербатов (1783–1784 гг.) применительно к первой половине XV в. причислял города Одоев и Белёв к «русским областям»⁴². Он ревностно относился к их «похищению» татарами и Литвой, и одобрительно оценивал отступление местных князей от Литвы в конце XV в. По его мнению, они располагали множеством слуг и были «мудрыми и искусными правителями», поэтому их «отъезд» к России должен был существенно ослабить Литовское государство⁴³.

В описании княжеств Верхнего Поочья историки этого времени опирались на схему родословцев. Так, по мнению Н. М. Карамзина, в конце XIV в. уже почти вся «древняя земля вятичей принадлежала Литве: Карачев, Мценск, Белёв, с другими удельными городами князей черниговских»⁴⁴. В той же главе он писал, что до 1407 г. князья одоевские, были «в некоторой зависимости от сильнейших владетелей рязанских»⁴⁵. При упоминании же московско-рязанского договора 1402 г. сообщал, что новосильский и тарусские князья были «присяжниками» великого князя московского⁴⁶. Как видим, в понимании Н. М. Карамзина Белёв, Одоев и Новосиль начала XV в. — это центры отдельных друг от друга княжений. То есть целостного и самостоятельного Новосильско-Одоевского княжества не существовало. Оно по частям отошло к Литве, а после 1407 г. «Одоев возвратился к России уже при великом князе Иоанне Васильевиче»⁴⁷. Много позже такая точка зрения была пересмотрена, но на тот момент была распространена и еще долго бытовала в отечественной историографии.

⁴² Щербатов М. [М.], князь. История российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1781. С. 349, 421–422.

⁴³ Там же. Т. 4. Ч. 2. СПб., 1783. С. 224–225, 250–252, 259–260.

⁴⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 2. Т. 5. М., 1989. Стб. 91.

⁴⁵ Там же. Кн. 2. Т. 5. Стб. 108.

⁴⁶ Там же. Кн. 2. Т. 5. Примеч. 224. Стб. 88.

⁴⁷ Там же. Кн. 2. Т. 5. Стб. 129; Примеч. 199. Стб. 74.

В 1836 г. П. А. Мухановым были введены в научный оборот две договорные, одна присяжная и одна поручная грамоты князей новосильского дома с великим князем литовским 1447, 1448 и 1459 гг. Показательно для того времени, что упомянутая в актах «Новосильская и Одоевская земля» в указателях была разбита на «Новосильскую землю» и «Одоевскую землю»⁴⁸. В 1846 г. И. И. Григорович издал еще одну жалованную и одну договорную грамоты 1455 и 1483 гг., относящиеся к истории Новосильской земли⁴⁹. В 1847 г. В. И. Григорович перевел на русский язык письмо Ольгерда к патриарху Филофею с упоминанием о новосильском правителе (князе) с высоким титулом «*ρῆγας*» («*рѣξ*»)⁵⁰. Эти публикации должны были внести ясность в правовое положение князей новосильского дома в конце XIV — XV в.

Одним из первых (к 1854 г.) на них обратил внимание С. М. Соловьев. Он отмечал, что «договоров служебных князей с теми князьями, к которым они вступали в службу с отчинами, из Северо-Восточной Руси до нас не дошло; но мы имеем довольно число таких договоров из Руси Юго-Западной». Все приведенные им примеры касались только отношений князей новосильского дома с великим князем литовским и королем польским Казимиром IV. Это обстоятельство С. М. Соловьев никак не объяснял. При рассмотрении московско-литовского рубежа в Верхнем Поочье он писал: «Что же касается до земель присяжных князей одоевских, белёвских, воротынских, то здесь границ определить нельзя, потому что, по собственным словам Иоанна III, эти князья служили и его предкам, и предкам Казимира Литовского, на обе стороны, сообща». В их владениях С. М. Соловьев не выделял особого территориального образования, предполагая провести по нему московско-литовскую границу. Говоря о ее неопределенности, он упускал из виду, что новосильские князья хорошо знали границы своей земли и не связывали ее с владениями Литвы, Москвы или Рязани. Службу «на обе стороны» он понимал так: «Город Одоев, например, разделялся на две половины: одна принадлежала линии князей, зависевших от Москвы, а другая — линии князей, зависевших от Литвы»⁵¹. Вскоре (1858 г.) Д. И. Иловайский также высказался о новосильских, одоевских и воротынских как о князьях непременно зависимых от Литвы или от Москвы⁵².

В 1867 г. Г. Ф. Карпов дал краткую характеристику политическому устройству Верхнего Поочья. Его территория была отнесена к «Стране князей» с указанием, что это «официальное название». Ученый писал: «Одни из этих князей имели родовые владения, а другие пожалованные им литовскими великими князьями. Те князья, которые имели родовые владения, определяли свои

⁴⁸ Сборник Муханова. М., 1836. № 4–6. С. 5–6.; № 9. 11–12; Указатель. С. 8, 9.

⁴⁹ АЗР. Т. 1. № 57. С. 70–71; № 80. С. 100–101.

⁵⁰ Григорович В. [И.] Протоколы Константинопольского патриархата XIV столетия // ЖМНП. Ч. 54. 1847, апрель. Отд. 2. С. 148–152.

⁵¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 2. М., 2001. С. 632–633, 645.

⁵² Иловайский Д. [И.] История Рязанского княжества. М., 1858. С. 273–274.

отношения к своему верховному господину посредством договоров». Далее ученый изложил суть литовско-новосильских докончаний. Попытка сделать различия в правовом статусе земельных владений тех или иных местных князей была передовой для своего времени. Однако ни в работе Г. Ф. Карпова, ни в ближайшие годы она не получила существенного развития. Ученый полагал, что условия заключенных договоров «давали князьям возможность очень часто переменять своего господина»⁵³. Подобная точка зрения действительно делала политические границы весьма неопределенными, она повлияла на дальнейшее исследование этого вопроса.

В 1882 г. М. Ф. Владимирский-Буданов написал отзыв на первое издание памятников московско-литовских дипломатических сношений (1487–1532 гг.), опубликованных Г. Ф. Карповым. Часть его статьи была посвящена положению новосильских и мезецких князей в 1487–1494 гг.⁵⁴ Ученый полагал, что род местных князей делился на линии, между ними был один старший (большой) князь, их княжество сохраняло некоторый вид цельного государства, но одна линия этих князей служила Москве, другая Литве. Его тезис о цельном государстве входил в противоречие с другим его же тезисом о том, что владения местных князей принадлежали тому государству, которому они служили — Московскому или Литовскому. Дело доходило до того, что если в Одоевском княжестве «купит какой-нибудь князь Федор удел у дяди или двоюродного брата, вытеснит ли его силою из соседней улицы, — тем самым изменяет уже границу между двумя громадными государствами». Здесь видится развитие мысли С. М. Соловьева.

Изучение истории «Литовско-Русского государства» к концу XIX в. в значительной степени переменяло взгляды ученых относительно его роли в русской истории. Вильно наряду с Москвой стало рассматриваться как крупнейший центр объединения русских земель. С другой стороны, ученых интересовала роль Литвы в истории Польши и Пруссии. В этой связи А. Коцебу ввел в научный оборот несколько писем великого князя литовского Свидригайла, относящихся к истории Новосильско-Одоевского княжества и Верхнего Поочья в целом. Книга вышла в 1820 г. на немецком языке, а в 1835 г. была издана на русском⁵⁵. Одно из интересующих нас писем эпохи Витовта было введено в научный оборот Л. Голембиовским в переводе на польский язык в 1830 г.⁵⁶ Еще несколько писем было описано К. Э. Напьерским в 1833 г.⁵⁷ В 1860 и 1862 гг.

⁵³ Карпов Г. [Ф.] История борьбы Московскаго государства с Польско-Литовским. 1462–1508. Ч. I. М., 1867. С. 17–18.

⁵⁴ Владимирский-Буданов М. Ф. Литература истории русского права за 1880–1882 гг. I. Государства Московское и Литовское // Университетские известия. 1882. № 5. С. 208–211.

⁵⁵ Kotzebue A. Switrigail. Ein Beytrag zu den Geschichten von Litthauen, Rußland, Polen, Preussen. Leipzig, 1820. S. 75, 117; Коцебу А. Свитригайло, великий князь Литовский, или дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб., 1835. С. 93–94, 127–130.

⁵⁶ Golebiowski L. Domy i dwory... Warszawa, 1830. S. 230–232.

⁵⁷ Napiersky C. E. Index corporis historico-diplomatici... Th. 1: 1198 bis 1449. Rigae und Dorpat, 1833. № 1163. S. 254; № 1227. S. 266; № 1251. S. 271.

многие источники были описаны И. Даниловичем⁵⁸. В 1882 г. публикацию писем Витовта выполнил А. Прохаска; два таких письма вскоре исследовались А. И. Барбашевым⁵⁹. В отдельных деталях эти источники существенно дополняли историю Новосильско-Одоевского княжества, но это не стало поводом для его отдельного исследования. Некоторые из них оставались малоизвестными для отечественной историографии и к концу XX в.

Впрочем, в конце XIX в. по поводу новосильской истории стали появляться замечания в составе более или менее крупных работ. Так, в 1892 г. Р. В. Зотов опубликовал обстоятельное исследование о князьях черниговского дома в «татарское время». Он показал, что в XIV–XV вв. область Северо-Восточной Черниговщины оказалась на пересечении политических интересов Москвы, Литвы и отчасти Рязани. Но если соседние княжества в это время попали в зависимость от той или иной стороны, то в отношении Новосильского княжества исследователь заметил, что к концу XIV в. оно так и не подчинилось Литве и в 1402 г. «находилось, если не в некоторой зависимости от Москвы, то в союзе с нею». Принимая точку зрения Н. М. Карамзина о подчинении князей новосильского дома Литве в 1408 г., Р. В. Зотов, однако, сделал вывод, что «Новосильское княжество не было в полном подчинении у великих князей литовских, а пользовалось большою долею самостоятельности». Он также полагал, что «до подчинения Москве, которое произошло в самом конце XV столетия, княжества Новосильское, Одоевское, Белёвское и Воротынское, в своей исторической жизни, всегда проявляли тесную связь»; «князья их хорошо умели отстаивать свои родовые княжеские интересы. Но и этим князьям, долее других удельных князей сохранившим удельную независимость, в конце концов пришлось служить “в поле и думе” московскому государю, из властителей сделаться просто боярами, и “со столов отчих спуститься к ступеням трона московскаго”»⁶⁰. Позиция Р. В. Зотова сильно отличалась от взглядов большинства его предшественников и современников, для которых самостоятельной истории данного региона еще не существовало.

Большой вклад в изучение истории северо-восточной части бывшей Черниговской земли внес М. К. Любавский. В 1892 г. он первым обратился к трактовке исторического термина «верховские князья», а вскоре в научной литературе стал употребляться термин «верховские княжества». По мнению ученого, он должен был обозначать княжества верхнеокские, оказавшиеся к середине XV в. под властью Литвы⁶¹. Для изучаемого времени он был более уместным,

⁵⁸ *Danilowicz I. Skarbiec diplomatów...* T. 2. Wilno, 1862. S. 88, 95, 98, 118, 134, 156, 167.

⁵⁹ *CEV. S. 150, 688, 778–780, 798–800; Барбашев А. [И.] Витовт, последние двадцать лет княжения.* СПб., 1891. С. 197, 198–199.

⁶⁰ *Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время.* СПб., 1892. С. 214–218. Здесь Р. В. Зотов цитировал слова из статьи С. П. Молчанова (*Молчанов С. П. Из летописей города Одоева.* С. 726).

⁶¹ *Любавский М. К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого литовского Статута.* М., 1892. С. 47–52; *Он же. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно.* СПб., 2004. С. 107–108.

чем термины «древняя область вятичей» или «Страна князей», и затем закрепился в историографии. Позже его трактовка была несколько изменена. Этот вопрос составляет отдельную историографическую проблему и далее будет рассмотрен особо (см. § 19). М. К. Любавский сделал краткие обзоры истории княжеств Северо-Восточной Черниговщины в XIV–XV вв. Уделы же новосильских князей в это время назвал «самыми значительными».

Опыт раздельного подхода к исследованию каждой из земель или даже городов не был воспринят учеными. Новая же обобщенная терминология оказалась на работах, вышедших уже в скором времени. В 1893 г., разбирая dokonчания князей новосильского дома с Литвой, Ф. И. Леонтович применил к ним обобщенный термин «докончаний верховских князей»⁶². В начале 1894 г. в Императорском обществе истории и древностей российских В. А. Уляницкий выступил с рефератом «О положении русских верховских князей и в частности князей Мосальских в Литовском государстве в XV в.». На Мосальских были спроецированы правовые отношения князей новосильского дома с Литвой, на том основании, что и те, и другие были «верховскими»⁶³. По сравнению с позицией С. М. Соловьева, новые обобщения сужали предполагаемую область бытования подобных договоров с территории Юго-Западной Руси до территории Верхнего Поочья. Однако взгляды Ф. И. Леонтовича и В. А. Уляницкого во многом отставали от мысли М. К. Любавского. В ответ последний, в частности, заметил, что положение «верховских» князей было «разнообразно, неустойчиво и изменчиво»; «трудно подвести это положение под одну правовую норму и говорить о положении “верховских” князей вообще»; «это положение было для разных князей и в разное время различное». «Одни из князей находились с великими князьями московским и литовским “в dokonчанье”, — которое гарантировало им известные права, при нарушении которых они *de jure* и с отчинами были свободны от послушания великому князю. Другие, получившие свои владения из рук великого князя литовского, как данину или выслугу, *de jure* были только лично свободны, а их владения были неотъемлемыми частями Великого княжества Литовского». Эти замечания о правах местных князей и о статусе их земельных владений развивали позицию Г. Ф. Карпова.

Вместе с тем усложнялся вопрос о службе князей Верхнего Поочья «на обе стороны». В. А. Уляницкий объяснил ее тем, что «в Московском государстве положение князей в XV в. было не лучше положения их в Литовском государстве, а служба их на ту или другую сторону зависела от колебаний политического влияния Москвы и Литвы». То есть одной из главных причин он видел волю самих князей, которые в зависимости от внешней политической

⁶² Леонтович Ф. И. Очерки истории Литовско-Русского права (продолжение) // ЖМНП. Ч. 290. 1893, декабрь. С. 282–291; *Он же*. Очерки истории Литовско-Русского права. Образование территории Литовского государства. СПб., 1894. С. 173–182.

⁶³ Протоколы заседаний Общества за 1894 г. (№384–393) // ЧОИДР. 1895. Кн. 2. V. Смесь. С. 3–6.

конъюнктуры имели право выбора — кому служить. Ф. И. Леонтович тоже считал, что «служебная зависимость верховских князей не имела никакого влияния на их удельные владения, нисколько не умаляла их отчинных прав на дельницы». По его мнению, «князья верховские отстаивали свою “службу” на обе стороны в собственных интересах: в случае кривды со стороны Москвы князья находили для себя “суд” в Литве, и наоборот: кривда литовская уполномочивала верховских князей “снять целованье долов”, предоставляла им “волю” перейти в безраздельное “послушание” к другой союзной стороне — московскому великому князю»⁶⁴. Так в историографии сформировалась особая и весьма некрасивая точка зрения о ненадежности верхнеокских князей. Одной из главных причин называлось нахождение их владений на московско-литовском порубежье. Поскольку Ф. И. Леонтович не осознавал, что в XV в. свободой выбора обладали только новосильские князья со своими исконными вотчинами, то и не стремился объяснить, почему их верхнеокские соседи точно так же не пользовались своим географическим положением. То есть вопреки его мнению оказывается, что сам по себе географический фактор не был единственным и определяющим.

М. К. Любавский больше значения придавал собственно борьбе Литвы и Москвы за господство в области Верхнего Поочья, вследствие которой здесь появились территории, полностью попавшие под власть этих государств. Он полагал, что лишь князья новосильского дома со своими вотчинами могли служить «на обе стороны», причем одновременно и Москве, и Литве. Такую возможность он видел только в годы мирных отношений между этими государствами и объяснял ее необходимостью совместно обороняться против общих врагов — татар⁶⁵. Вообще идея о службе новосильских князей «на обе стороны» воспроизводилась многими учеными. Однако эти слова Ивана III были вынуты из контекста московско-литовских переговоров 1490 г. К сожалению, М. К. Любавский не обратил внимания на то, что они плохо согласуются с условием литовско-новосильских договоров: «А без королевы и великого князя Казимировы воли намъ ни с кимъ не доконъчатывати». Неизвестно, чтобы помимо договора с Литвой одни и те же новосильские князья одновременно имели еще какие-либо внешнеполитические договоры о своей службе. Напротив, чтобы перейти на московскую службу в конце XV в. им пришлось разорвать договорные отношения с Литвой. Поэтому предположение М. К. Любавского об одновременной службе новосильских князей «на обе стороны» не решало поставленной проблемы.

Ф. И. Леонтович полагал, что верхнеокские князья «вступали в докончания с великими князьями литовскими, как “равные с равными”» (на самом деле речь может идти только о князьях новосильского дома, участниках

⁶⁴ Леонтович Ф. И. Очерки истории Литовско-Русского права (1893). С. 284–286, 290; *Он же*. Очерки истории Литовско-Русского права (1894). С. 175–177, 181.

⁶⁵ Любавский М. К. Областное деление... С. 49–50; Протоколы заседания Общества за 1894 г. (№ 384–393). С. 5.

литовско-новосильских договоров). Писал, что они не принимали участия в общих делах Литовского государства, знали лишь свою землю-дельницу, в которой были совершенно самостоятельными «господарями-отчичами». Однако, полагаясь на мнение М. Ф. Владимирского-Буданова, Ф. И. Леонтович считал, что их вотчины принадлежали тому государству, которому они служили, в этом состоит противоречивость его взглядов⁶⁶. М. К. Любавский указывал на права новосильских князей самостоятельно распоряжаться своей вотчиной. При этом твердо заявлял, что ««верховские» князья никогда не вступали в договорные отношения с великими князьями, как равные с равными»⁶⁷.

Двойственность положения новосильских князей в XV в. оставалась неразрешимой проблемой для ведущих ученых. Согласно положениям литовско-новосильских договоров, М. В. Довнар-Запольский тоже осознавал самостоятельность Новосильско-Одоевского княжества, но непременно называл его уделом Литовско-Русского государства⁶⁸. Исследователи далеко не всегда обращали внимание на тот факт, что в XV в. это была некая особая и единственная область, которая могла свободно как бы пристать к Литве, а при случае — свободно от нее отойти. Например, Н. П. Павлов-Сильванский считал переходы князей с их вотчиной к иному великому князю обычным делом, но иллюстрировал это только на новосильском материале⁶⁹. Действительно, именно на новосильских князей не действовали ограничения возможности их «отъезда» с вотчиной. Напротив, это было их неотъемлемым правом.

М. К. Любавский был первым исследователем, который попытался объяснить причины, по которым князья новосильского дома обязались платить в Литву «полетное» (ежегодную дань). Он рассматривал его только как «плату за те услуги, которые в[еликий] князь литовский с своей стороны должен был им оказывать»⁷⁰. Этот вопрос тоже требует дополнительного исследования, поскольку выводы ученого плохо согласуются с литовско-рязанскими докончаниями 1427 г., по которым великий князь литовский оказывал рязанским князьям те же услуги совершенно бесплатно⁷¹. М. В. Довнар-Запольский тоже обращал внимание на «полетное» новосильских князей. Однако он рассматривал их наравне с «внутренними» удельными князьями Великого княжества Литовского, поэтому не искал особых причин для уплаты ими дани⁷². Так к рубежу XIX–XX вв.

⁶⁶ Леонтович Ф. И. Очерки истории Литовско-Русского права (1893). С. 284–286, 289–290; Он же. Очерки истории Литовско-Русского права (1894). С. 175–177, 181.

⁶⁷ Протоколы заседания Общества за 1894 г. (№ 384–393). С. 5–6.

⁶⁸ Довнар-Запольский М. [В.] Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. Киев, 1901. С. 41–42.

⁶⁹ Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907. С. 112–114.

⁷⁰ Любавский М. К. Областное деление... С. 50.

⁷¹ ДДГ. № 25, 26. С. 67–68.

⁷² М. В. Довнар-Запольский предпочитал рассматривать латинский текст литовско-воротыньских грамот и даже пояснял положение воротыньского князя в латинских терминах. Однако на таком материале сложно прийти к надежным выводам, поскольку эти грамоты из папок

оформилась еще одна парадоксальная мысль. Согласно работам ведущих ученых, новосильские князья свободно приходили к сюзерену со своей исконной вотчиной, чтобы служить ему (выполнять для него определенную работу) и при этом платить ему дань.

Несмотря на описанные сложности, в самом конце XIX в. в короткий промежуток времени по теме истории Северо-Восточной Черниговщины состоялась обстоятельная очная и заочная научная полемика здравствующих оппонентов — случай, пожалуй, уникальный.

К началу XX в. существенные успехи были достигнуты в генеалогии. Ученые прошли путь от простого собирания и цитирования источников до их анализа и выявления в них противоречивых и недостоверных сведений. В вопросе происхождения новосильских князей и отдельных ветвей новосильского дома тоже оказалось немало сложностей. Они будут подробно рассмотрены в настоящей работе. Пока же из всей массы литературы выделим публикации Филарета (Гумилевского), Н. Д. Квашина-Самарина и Р. В. Зотова, связанные с изучением Любецкого синодика (1863–1892 гг.); работу польского ученого Ю. Вольфа «*Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku*» (1895 г.); крупный труд по генеалогии Г. А. Власьева «*Потомство Рюрика*» (1906 г.); и особый взгляд Н. А. Баумгартена на историю родов князей черниговского дома (1927 г.)⁷³. В числе прочего генеалогия способствовала выявлению источников для истории того или иного семейства. Для новосильских князей сохранились сведения о ряде династических браков. На этом основании ученые делали выводы об их политической ориентации⁷⁴. Вместе с тем браки могут иллюстрировать положение князей в княжеской иерархии. Особенно это важно в тех случаях, когда положение других княжеских родов, вступавших в родственные отношения с новосильским княжеским домом, хорошо известно.

Отметим зарождение еще одной некрасивой тенденции, которая в полной мере раскрылась в XX в. В 1882 г. вышло исследование Д. И. Багалея об истории Северской земли до середины XIV в. В дополнение к своему труду ученый представил княжества Северо-Восточной Черниговщины хотя и в полном

А. С. Нарушевича являются переводами варшавских копий русских грамот на латынь XVIII в. (*Довнар-Запольский М. [В.] Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Т. 1. С. 706–709; см. примеч. к приложению №3*).

⁷³ *Филарет, архиепископ. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Кн. 5. Чернигов, 1874. С. 34–45; Квашин-Самарин Н. [Д.] По поводу Любецкого синодика // ЧОИДР. 1873. Кн. 4. V. Смесь. С. 213–226; Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику...; Wolff J. Kniazowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku. Warszawa, 1895; Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Князья Черниговские. Ч. 1. СПб., 1906; Baumgarten N. [A.] Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du X-e au XIII-e siècle // Orientalia Christiana. Vol. IX–1. Roma, 1927. №35. P. 54–56, 86–94.*

⁷⁴ *Грушевський М. [С.] Історія України-Руси. Т. 4. Київ, 1907. С. 69; Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1: Западная Русь и Литовско-Русское государство. М., 1939. С. 70.*

соответствии с родословцами, но весьма схематично и без привязки к хронологии. Получилось, что уже в первой половине XIV в. местные князья переживали крайнюю раздробленность и политическую несостоятельность⁷⁵. Эти взгляды восходили к временам Н. М. Карамзина и первых краеведов, представления которых основывались на схеме родословных книг и сводились к тому, что сколько в верховьях Оки было титулов князей, столько было и отдельных княжеств. Тем же смыслом «Страны князей» позже пропитался термин «Верховские княжества»⁷⁶.

Тема «верхівських» княжеств как составной части Черниговщины интересовала М. С. Грушевского (1907 г.). Рассматривая «верхівські землі» (здесь «земли» — синоним мелких княжеств) как особую территорию, ученый отметил, что еще во второй половине XIV — начале XV в. она сохранялась «в руках мелких княжеских родов». «Эти мелкие княжества в последних десятилетиях XIV в. оставались в довольно сложной ситуации. Давний властитель Орда ослабла совсем, а вместо того с разных сторон протягивали к ним руку соседние княжества, соревнуясь в политическом превосходстве» (см. мысль Леонида Кавелина). Отмечая борьбу за влияние в регионе Московского, Литовского и Рязанского княжеств (последнего только до начала XV в.), М. С. Грушевский традиционно рассматривал северо-восточную часть бывшей Черниговской земли только с внешней стороны. Собственная роль «верхівських» князей в истории им почти не отмечалась. Династические браки их представителей с дочерьми великих князей литовских и рязанского автор расценивал как попадание «верхівських» князей в вассальную зависимость от Литвы или Рязани. Никаких различий в их статусе и статусе их владений он не делал, хотя такой опыт в историографии уже имелся⁷⁷.

Обобщение политической ситуации в регионе второй половины XIV в. с ситуацией конца XV в. можно усмотреть и в лекциях А. Е. Преснякова. Так, он знал о браке дочери великого князя литовского Ольгерда с князем Иваном Новосильским, однако называл последнего «мелким князем Рюриковичем». То же определение бытовало в его лекциях и для конца XV в.: «мелкие князья восточной Черниговщины, Рюриковичи “верховские” — Новосильские, Белёвские, Одоевские, Воротынские и т. п.»⁷⁸. А. Е. Пресняков распространял на всех «верховских» князей литовско-новосильские договорные отношения, и писал, что все они «стояли вне государственных

⁷⁵ Багалец Д. [И.] История Северской земли до половины XIV ст. Киев, 1882. С. 305–307.

⁷⁶ Редкий в литературе образ «Страны князей» особенно нравился белёвскому писателю В. Я. Грекову, который не раз использовал его и прямо приравнивал к термину «Верховские княжества» (Греков В. Я. Белев: очерки по истории и современности кафедрального города. Тула, 2007. С. 50–63).

⁷⁷ Грушевський М. [С.] Історія України-Руси. Т. 4. С. 69–73, 276–277.

⁷⁸ Здесь А. Е. Пресняков не только приравнивал князей новосильских к остальным «верховским», но и выражался так, как будто это отдельная княжеская ветвь наравне с белёвскими, одоевскими и воротынскими.

связей Литовско-Русского государства»⁷⁹. Здесь видны заимствования из работ Ф. И. Леонтовича и М. С. Грушевского. Позиция М. К. Любавского, который называл уделы новосильских князей «самыми значительными» в регионе, А. Е. Пресняковым не учитывалась.

Весомый вклад в изучение истории Верхнего Поочья внесли некоторые польские ученые. Так, Я. Натансон-Леский (1922 г.) хотя и рассматривал новосильских князей вместе с «верховскими» вообще, но, изучив dokonчание князя Федора Львовича Новосильского и Одоевского с Казимиром IV, заметил, что тот «имел в Поочье исключительное положение и сам владел бóльшей частью края»; «служил Литве, гарантировав нерушимость своего княжества», а «в случае невыполнения условий договора со стороны Литвы» — «имел право отказаться от службы». На этом основании ученый предлагал очертить здесь литовскую границу двояко. В первом случае рассматривая ее вместе с владениями всех вассалов, а во втором случае исключая из территории Великого княжества Литовского владения «вассалов новосильских», поскольку, в отличие от других территорий Северо-Восточной Черниговщины, их «земли и воды» Литве не принадлежали⁸⁰. Приведем другой пример. К 1936 г. польский исследователь С. М. Кучиньский обратил внимание на титулование представителей новосильского дома «великими князьями». Целый раздел его книги, названный «Książęta Nowosilscy do połowy XV w.», был посвящен анализу источников и генеалогии новосильских князей. Фактический материал автор изложил наиболее полно и обстоятельно, чем все его предшественники. Именно С. М. Кучиньским белёвская битва 1437 г. впервые была упомянута в контексте истории Новосильско-Одоевского княжества, чего в работах отечественных ученых никогда ранее не случалось⁸¹.

В то же время отечественная наука понесла большой урон в годы репрессий. В 1930 г. М. К. Любавский был арестован по сфабрикованному «делу историков» (умер в ссылке в 1936 г., реабилитирован в 1967 г.), а многие его работы на долгое время были преданы забвению. В этот процесс была включена почти вся верхушка русской исторической науки. Больше повезло трудам А. Е. Преснякова, но его в 1929 г. постигла безвременная кончина⁸². В этой связи вопросы изучения истории Северо-Восточной Черниговщины середины XIII — начала XVI в. в отечественной историографии были отброшены далеко назад.

Еще в конце XIX в. В. И. Ивановский писал, что «рассказать историю кн. Одоевских в последовательном порядке, это дело будущего и венец усилий

⁷⁹ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 2. Вып. 1. С. 70, 151.

⁸⁰ Natanson-Leski J. Dzieje granicy wschodniej Rzeczypospolitej. Cz. I. Lwów; Warszawa, 1922. S. 31, 38–39, 47.

⁸¹ Kuczyński S. M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936. S. 123–137.

⁸² Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства... С. 11–12; Пресняков А. Е. Образование великорусского государства. М., 1998. С. 5–6.

многих лет и притом на протяжении большого времени»⁸³. К тому времени был издан ряд монографий, посвященных великим княжествам и их уделам⁸⁴. Но, несмотря на ряд публикаций крупных ученых и местных историков-краеведов, отдельные области северо-восточной части бывшей Черниговской земли по-прежнему не имели столь же основательных исследований. Думал ли В. И. Ивановский, что их придется ждать не только годы, но и десятилетия?

III

Недостаточная изученность истории интересующего нас региона поначалу сказалась на науке советского времени самым неблагоприятным образом. Крайне скудные сведения о княжествах верховьев Оки содержатся в «Очерках истории СССР» (1953 г.)⁸⁵. К 1960 г. Г. А. Федоров-Давыдов испытывал затруднения даже с определением области «Верховских княжеств» и включал в нее не только Верхнее Поочье, но и верхнее течение рек Дона, Сейма и Северского Донца⁸⁶. В 1962 г. М. Н. Тихомиров отмечал, что «в целом заоцкие и брянские места можно изучать как особый Заоцко-Брянский край». В его работе отчетливо звучали ноты недооценки состоятельности региона, которые были отголоском лишь некоторых мнений конца XIX — начала XX в. В частности, он писал, что князья Одоевские, Воротынские, Мосальские, Мезецкие и другие «держали в своих руках мелкие, ничтожные владения». С другой стороны, замечал, что «городища Заоцкого края отличаются исключительно большими размерами», и вновь хорошо укрепленный Серенск (ошибочно отождествляя его с Серпейском) называл городом «ничтожным». Впрочем, ученый признавал, что «гордые и беспокойные» представители верхнеокских родов еще долгое время в XVI в. могли сохранять в своем регионе удельную систему⁸⁷, что не слишком согласуется с их заявленной «ничтожностью».

В 1974 г. Б. А. Рыбаков опубликовал исследование о так называемых картах княжеств Русского государства, которые восходят к европейской картографии XVI в. и не раз публиковались в Западной Европе до начала XVIII в. Больше всего его поразило присутствие на них, по его мнению, «малоизвестного и незначительного по своей исторической роли удельного княжества Воротынского», но при этом непомерно большого. Оставляя за скобками рассуждения о выводах автора⁸⁸, отметим, что его отношение к княжествам Верхнего Поочья

⁸³ Ивановский В. [И.] К истории удельных князей Тульского края... № 17. С. 748.

⁸⁴ См., например: Иловайский Д. [И.] История Рязанского княжества; Борзаковский В. С. История Тверского княжества. М., 2006; Симсон П. [Ф.] История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историею. М., 1880.

⁸⁵ Очерки истории СССР. Период феодализма XI–XV вв. Ч. 2. М., 1953. С. 133, 141, 522, 556.

⁸⁶ Федоров-Давыдов Г. А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. Т. I. М., 1960. С. 107, 109, 125–127.

⁸⁷ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 46–48, 370–372, 376.

⁸⁸ Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV — начала XVI века. М., 1974. С. 85–111. Б. А. Рыбаков уличил князя И. М. Воротынского († 1535 г.) в составлении протографа этих карт,

как к заведомо мелким вполне соответствует взглядам целого ряда ученых советской эпохи. Примером подобных взглядов может служить именование местных князей «княжатами», что прослеживается еще в работах А. Е. Преснякова. С. Б. Веселовский распространял это определение вообще на всех князей, вотчины которых измельчали. Слово «княжата» в русском языке имеет уменьшительный и даже уничижительный смысл. М. Н. Тихомиров и Б. А. Рыбаков по отношению к верхнеокским князьям применяли даже слово «князьки»⁸⁹. Термин «княжата» действительно встречается в литовско-русских источниках XV–XVI вв., но происходит от полонизма «książęta» и переводится на современный русский язык как «князья», не имея уничижительного подтекста⁹⁰. В этом смысле понятно выражение С. М. Кучиньского «wielkie książęta»⁹¹, но в современном русском языке выражения «великие княжата» нет.

Впрочем, уже в советский период наметился и несомненный прогресс в изучении отдельных аспектов средневековой истории Верхнего Поочья. В 1940 г. впервые в историографии В. Е. Сыроечковский рассмотрел порядок взимания одоевской дани в Крымскую Орду (ханство) в конце XV — первой трети XVI в.⁹² В 1947 г. С. Б. Веселовский опубликовал две жалованные

а также в удельных амбициях, якобы восходящих к середине XIII в. Однако ученому не удалось отыскать карту, которая датировалась бы ранее второй половины XVII в. и имела бы изображение Воротынского княжества с границами. В XVI в. ни С. Герберштейн (1549 г.), ни Г. Меркатор (1595 г.) не описывали границ «Vourotin principatus» или «Vorotin» (*Герберштейн С. Записки о Московии*. М., 1988. С. 140; *Mercator G. Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura*. Duisburg, 1595. Map. XXVI). На карте Г. Делиля (1706 г.) «Principaute du Vorotinsk» охватывает верховья Оки (*Рыбаков Б. А. Русские карты Московии...* С. 94–95). На картах же Г. Сансона (1674 г.) и А. Ю. Жайо (1695 г.) «Duche de Worotin», кроме верховьев Оки, охватывает все Посемье: Курск, Рылск, Путивль. В бассейне р. Сосны ими помещена «Ocraina» (*Рыбаков Б. А. Русские карты Московии...* С. 90; *Jaillot H. La Russie Blanche ou Moscovie divisee suivant l'Estendue des Royaumes, Duches, Principautes...* Paris, 1695). Попытка Б. А. Рыбакова связать Посемье с князьями Воротынскими через домонгольскую эпоху, когда Воротынского княжества еще не существовало, видится неудачной — они никогда не владели Посемьем. Исследователю стоило бы ограничиться замечаниями о землевладении князей Воротынских в верховьях Оки в XVI в., о деятельности князя М. И. Воротынского († 1573 г.), связанной с организацией пограничной (сторожевой) службы на «украине» и в Посемье, а также о плохой осведомленности европейских картографов. Впрочем, заслуживает внимания указание Б. А. Рыбакова на службу князя Ивана Алексеевича Воротынского († 1679 г.) в посольском приказе, на его отношение к картам Московского государства и на его связи с иноземными послами. Не исключено, что именно он мог оказать влияние на представления европейцев о Воротынском княжестве.

⁸⁹ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. С. 48; Рыбаков Б. А. Русские карты Московии... С. 100.

⁹⁰ ЛМ. Кн. 5. 1993. Р. 86; АЗР. Т. 1. № 58. С. 72–77; ПСРЛ. Т. 32. С. 32, 34, 37; Курбский А. М. История о Великом князе Московском. СПб., 1913. Стб. 128, 130.

⁹¹ Kuczyński S. M. Ziemie Czernihowsko-Siewerskie... S. 126.

⁹² Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки Московского орден-на Ленина Государственного университета им. М. В. Ломоносова. Вып. 61. История. Т. 2. 1940. С. 46–47.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора	3
ВВЕДЕНИЕ	
§ 1. Историография	5
§ 2. Источники	43
ПЕРИОД ПЕРВЫЙ:	
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОСИЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ	
§ 3. Возникновение обособленных княжеств в Северо-Восточной Черниговщине (к постановке проблемы)	63
§ 4. Происхождение князей новосильского дома и выделение их владений в обособленное княжество («землю»)	93
§ 5. Политические течения в Северо-Восточной Черниговщине в первой — второй трети XIV века	105
§ 6. Судьбы князей черниговского дома в связи с литовско-московским противостоянием 1368–1372 годов	131
ПЕРИОД ВТОРОЙ:	
С СЕРЕДИНЫ 1370-х ДО СЕРЕДИНЫ 1420-х ГОДОВ	
§ 7. Политика князей черниговского дома в союзе с великим князем московским в 1374–1380 годах	143
§ 8. Московско-рязанские отношения в 1382–1385 годах и участие в них князя Романа Новосильского и князей тарусских ...	154
§ 9. Новосильско-Одоевская земля и ее соседи на рубеже XIV–XV веков	161
§ 10. Положение княжеств Верхнего Поочья в связи с политическими изменениями в регионе 1386–1408 годов ..	185
§ 11. События в северо-восточной части Брянской епархии в связи с церковным расколом 1415–1420 годов	223
§ 12. Ближайшие потомки князя Романа Семеновича Новосильского и их внутренняя иерархия.	235
§ 13. Новосильско-ордынские отношения и битва феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года.	252
ПЕРИОД ТРЕТИЙ:	
С КОНЦА 1420-х ДО КОНЦА 1460-х ГОДОВ	
§ 14. Сближение князей новосильского дома с Литвой	269
§ 15. Политика Литвы и Москвы в верховьях Оки в конце 1420-х — первой половине 1430-х годов	299

§ 16. Судьбы феодалов старой верхнеокской коалиции в период великого княжения Свидригайла	305
§ 17. Белёвская битва 4–5 декабря 1437 года и ее последствия	319
§ 18. Возобновление литовско-новосильского союза в контексте неурядиц в Москве, Литве и Орде в 1440-х годах.	345
§ 19. «Вечное dokonчание» между Москвой и Литвой 1449 года и его значение для Верхнего Поочья.	361
§ 20. Политические и церковные преобразования в верховьях Оки в 1450-х — первой половине 1460-х годов.	390

ПЕРИОД ЧЕТВЕРТЫЙ:

С НАЧАЛА 1470-х ГОДОВ ДО НАЧАЛА XVI ВЕКА

§ 21. Накануне перелома политической ситуации в верховьях Оки	407
§ 22. Порубежная война в Верхнем Поочье с середины 1480-х годов до заключения мира между Москвой и Литвой в 1494 году.	425
§ 23. Попытки обустройства нового верхнеокского рубежа и связанные с этим конфликты	478
§ 24. Положение князей новосильского дома на московской службе в конце XV века	491
§ 25. Московская политика начала XVI века и ее влияние на князей новосильского дома	501

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 26. Общий взгляд на историю Новосильско-Одоевской земли	528
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Акты, относящиеся к истории Новосильско-Одоевской земли.	540
II. Повествовательные источники о Белёвской битве 1437 года	584

Список сокращений	594
-----------------------------	-----

Источники и литература.	597
---------------------------------	-----

УКАЗАТЕЛИ.	646
--------------------	-----

Именной указатель	647
Географический указатель	679

Описание обложки	689
----------------------------	-----